
Н. М. СИДОРОВА

ФИЛОСОФИЯ И ПОЭЗИЯ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ПОДЛИННОСТИ

В ходе длительного развития философия совершенствовала и обогащала категориальный аппарат – основу своей аналитической деятельности. Постепенно не только такие классические категории, как «истина», «бытие», «материя», «форма», «сущность», «явление» и т. д., нашли в нем свое место, но и такие понятия, как «живая длительность», «вечное возвращение», «забота», а также «тошнота», «ризома», «Другой», «симулякр» и т. д. Каждый новый термин претендовал на то, что с его помощью удастся задать принципиально новый вопрос миру и увидеть те сущностные черты, которые ускользали от внимания предшественников. На какое-то время это удавалось, но слова, как и вещи, имеют свойство изнашиваться, намертво слипаться с другими в своих семантических гнездах, терять остроту и способность доходить «до самой сути»¹. Об этом печалился М. Хайдеггер в труде «Введение в метафизику»: «...язык вообще изнашивается и истрепался, став этаким неизбежным, но при этом бесхозным и произвольно применяемым средством взаимопонимания, таким же безразличным, <...> как трамвай, в который любой может войти и выйти»².

Поэтому философия как «мышление о мышлении» находится всегда под вопросом, ей всегда угрожает внутренняя опасность принять знакомое словосочетание за истину, повторение авторитетного мнения – за доказательство. В этом смысле ничего не изменилось с тех пор, как Бэкон предложил свой перечень «идолов познания». Сегодня по-прежнему очень мало людей, способных соскрести со слов коросту автоматизма и вернуть им первозданную остроту, то есть проделать работу, аналогичную той, что проделы-

---

¹ Пастернак, Б. Во всем мне хочется дойти... / Б. Пастернак // Стихотворения и поэмы. – М. – Л.: Советский писатель, 1965. – С. 446.

² Хайдеггер, М. Введение в метафизику. – СПб.: ВРФСШ, 1998. – С. 131.

вал Сократ в своих беседах или Хайдеггер в своих метафизических штудиях.

Современная ситуация добавляет сложностей, поскольку, с одной стороны, совершенствование философских техник позволяет проводить тончайшие различения и даже различания³ терминов, ситуаций и смыслов. В то же время убежденность в нетождественности объектов и принципиальная амбивалентность понятий, которая выявляется в ходе деконструкции текстов, обесмысливает онтологические претензии философии. Это значит, что уравниены в правах «острое» и «затупившееся» слова: они одинаково бессильны нырнуть на онтологическую глубину.

Конечно, любой *современный* философ, к какой бы парадигме он ни принадлежал – (пост)структуралистской, (нео)марксистской, (пост)позитивистской и т. д., – не может не учитывать дискуссии последних десятилетий, игнорировать последовательное развенчание онтологических претензий философии и новые приемы анализа и деконструкции текста. Но и оставаться в постмодернистском «бесконечном тупике» непродуктивно.

С моей точки зрения, философия до тех пор будет иметь право на существование, пока она будет делать – для каждого времени заново – работу по поиску смысла человеческого бытия в мире. Делать это можно разными способами, но каждый раз мы будем оценивать результат по тому, задели ли абстрактные построения философов *за живое*, или это всего лишь *слова*. И здесь мне кажется уместным обратиться к понятию, которое обладает огромным семантическим потенциалом, которое и онтологически, и эпистемологически, и экзистенциально чрезвычайно значимо. Оно не ново, однако не успело закоснеть, не потеряло своей остроты и ценности, хотя (а может, именно потому, что) не успело войти в философские словари в качестве категории. Речь идет о понятии *подлинности*.

Подлинность (неподдельность, «настоящность») дорого ценилась во все времена, шла ли речь о монетах, драгоценностях, картинах, документах, свидетельствах очевидцев, способностях, талантах, знаниях или проявлении чувств и моральных достоинств... Примеры можно умножить. С другой стороны, в отличие от Плато-

---

³ См.: Деррида, Ж. Различение / Ж. Деррида // Голос и феномен. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 169–204.

на, для которого идеи составляли онтологический базис, «подлинное бытие», и именно поэтому не допускали в свой избранный круг отрицательные сущности вроде смерти, лжи, зла, безобразия, для нас подлинными будут и горе, и страдания, и уродства.

Безусловно подлинна боль. Безусловно подлинна смерть.

Когда-то меня поразили слова ветерана, что при всей кошмарности войны он вспоминает это время как самое *счастливое*, потому что тогда все было настоящим, осмысленным, подлинным. Более сильных, глубоких и значительных переживаний в его жизни не было.

Таким образом, область применения этого понятия очень широка, она охватывает и положительную, и отрицательную стороны смыслового спектра, все градации и переходы, сбивая наши привычные дихотомические настройки.

Содержание данного термина, с одной стороны, банально, но с другой – сильно варьируется от контекста к контексту, создавая некую притягательную неопределенность. В выражении «подлинные ценности» оно практически синонимично *«вечным ценностям»*. «Подлинник картины» «физичен» и не претендует на вечность, но противостоит легальной копии и криминальной подделке; «подлинная любовь» предполагает *глубину, интенсивность и сфокусированность* чувств; подлинность *непреложна, самоочевидна, аподиктична* (принудительно истинна) в противовес смутности, непрозрачности и противоречивости лжи (вспомним декартовскую рациональную интуицию, в которой истина узнается по переживанию ясности и отчетливости).

В подлинности всегда чувствуется связь с самым глубоким из доступных уровней существования и объяснения. Но доступных не вообще, а для данного субъекта, и не когда-нибудь, а «здесь и сейчас». Подлинность узнается по остроте переживания и неизбежности поступка, она не существует в виде декларации о намерениях. То есть она спонтанна и не существует вне субъекта, который хотя весь соткан из ошибок и несовершенств, но бывает *искренним*. Если с вами или на ваших глазах случается нечто подлинное, настоящее, вы это всегда почувствуете. Вы можете ошибаться в людях, но вы никогда не ошибетесь, переживая редкие минуты *полноты собственного существования*. Подлинность *локальна, качественно*

определенна, имеет скорее «квантовую», нежели «волновую» природу, но она является вся, сразу и овладевает субъектом целиком.

Она *первична и первородна*, можно даже сказать, *субстанциальна*. Полуподлинность, частичная или вторичная подлинность есть нонсенс, как и пресловутая осетрина второй свежести. С осетриной есть еще одно сходство. Они обе – товар скоропортящийся. Форма проявления подлинности может надолго стать образцом для подражания (например, подлинно влюбленный дарит цветы даме сердца), но смысловое ядро быстро исчезнет, если его не возобновлять каждый раз новым, сугубо личным усилием.

Подлинность не существует в автоматическом режиме.

Утрата подлинности запрограммирована самой ее природой – она *живая*, а потому умирает. Переживание подлинности чрезвычайно *интенсивно*, оно захватывает все человеческое естество, его нельзя отложить на потом и трудно долго выносить. Наибольшей интенсивности это переживание достигает именно в трагической, «пограничной» ситуации. «Когда на смерть идут – поют, / А перед этим можно плакать, / Ведь самый страшный час в бою – / Час ожидания атаки», – писал поэт-фронтовик Семен Гудзенко⁴.

Платоновское понимание ситуации существенно отличается от вышеизложенного. Для него подлинно то, что вечно, неизменно, истинно и в принципе не зависит от субъекта. Привести в пример боксерский поединок, пусть выдающийся, было бы для него кощунством. В свое время Платон в диалоге «Федр» использовал образ ломающихся крыльев человеческой души, которая изо всех сил стремится к созерцанию подлинного бытия, но, будучи *недостаточно разумной*, терпит неудачу и довольствуется «мнимым пропитанием»⁵. Таким образом, все согласны с тем, что стремление людей к подлинности неистребимо и неутолимо, но место ее локализации и мера участия субъекта в античности и сегодня мыслится совершенно по-разному.

Как примирить Платона и экзистенциализм? Подлинность – это действительно посланница бытия в мире явлений, посланница истины в мире мнимостей, но она появляется только тогда, когда есть встречающий. Кто сможет встретить ее? Не пропустить в толпе

⁴ Гудзенко, С. Перед атакой / С. Гудзенко // Стихи. – М.: Советский писатель, 1967.

⁵ Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 156–157.

пресловутых симулякров? Ответить на ее зов, тем более что современная массовая видеокультура, кажется, только и служит тому, чтобы обезболить зрителя до полного бесчувствия демонстрациями далеких катастроф и создать параллельные реальности идиотскими сериалами?

Кто сможет, встретившись с тем, что достойно мысли и переживания, не просто сохранить это в памяти, но выразить, насколько это возможно, индуцировав тем самым в другом человеке его собственный поиск подлинности? Любой, кто честен сам с собой и внимателен к миру, или для этого необходимы особые способности? Хайдеггер отдает пальму первенства мыслителям и поэтам. «Благодаря своему превосходству, поэт говорит так, как если бы сущее в его устах проговаривалось впервые. В поэзии поэта и мышлении мыслителя всегда остается столько места для мирового пространства, что любая отдельная вещь, дерево, гора, дом, крик птицы совершенно теряют в нем свою незначительность и обыденность»⁶. Это преобразование позволяет превратить обыденное в символ нумерального мира и при этом сохранить индивидуальность и уникальность события. Только поэт ухитряется одной строкой *«возвысить в полях электричку до всемирного звука тоски»*⁷ и одолжить бестелесным идеям плоть своих сравнений и метафор. Не случайно Гастон Башляр назвал поэзию «мгновенной метафизикой»⁸.

Пути философии и поэзии никогда далеко не расходились, обе начинались с удивления, с потрясения и по большому счету делали одну работу, а именно удваивали и преобразовали реальность. При этом и поэт, не чуждый метафизики, и философ переносили смысловой центр из бытовой плоскости в горний мир умопостигаемых сущностей. Философия делала эту работу с помощью логически организованного дискурса, в поэзии Абсолют просвечивал сквозь ткань художественного текста. Но насколько систематически и неслучайно художественный образ замещал понятие и играл роль представителя бытия в мире быта?

---

⁶ Хайдеггер, М. Указ. соч. – С. 131.

⁷ Ахмадулина, Б. Снегопад / Б. Ахмадулина // Стихотворения. – М.: Худ. лит-ра, 1998. – С. 65.

⁸ Башляр, Г. Мгновение поэтическое и мгновение метафизическое / Г. Башляр // Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987. – С. 347.

По моему глубокому убеждению, *вся хорошая поэзия* может делать философскую работу именно потому, что пытается взлететь над плоскостью обыденности и наделить детали повседневной жизни гораздо большей значимостью, чем они могли бы получить, оставаясь просто элементами последовательности физических событий. Хрестоматийная строка Пастернака «Свеча горела на столе, свеча горела»⁹ – хороший тому пример. Описываемое событие происходит сразу в двух мирах: в локальном физическом (зимой в комнате, где встречаются влюбленные) и в нелокальном метафизическом, где образ горящей свечи с мгновенной скоростью актуализирует множество культурных смыслов, начиная с одного из самых ранних и важных, преобразует бытовой случай в общечеловеческий символ.

Таким образом, именно в экзистенциальном и поэтическом контексте бытие выступает как «ближайшее» и ощущается как подлинное. Но это было бы невозможно без третьего элемента, который обеспечивает связь: это личность самого поэта, который дает себе «метафизическое задание» и предъявляет одинаково высокие требования и к описанию деталей, и к *само-*определению относительно высших ценностей.

Следует подчеркнуть, что поэтическое усилие никогда не бывает подневольным, но всегда является искренним и спонтанным. В момент кристаллизации смыслового ядра стихотворения происходят странные вещи. Поэт и рад бы смолчать или соврать, но оказывается, что он над собой не властен. Как писала Ахматова о своих взаимоотношениях с Музой: «Жестче, чем лихорадка, оттреплет, / И опять весь год ни гу-гу»¹⁰ или «...Но вот уже слышались слова / И легких рифм сигнальные звоночки, – / Тогда я начинаю понимать, / И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь»¹¹. То есть в известном смысле поэт – пленник подлинности. Экзистенциальная неискренность, которая чрезвычайно распространена в наше время, опасна среди прочего тем, что она уничтожает возможность выражать себя в стихах. Лживость

---

⁹ Пастернак, Б. Зимняя ночь / Б. Пастернак // Стихотворения и поэмы. – М. – Л.: Советский писатель, 1965. – С. 439–440.

¹⁰ Ахматова, А. Муза / А. Ахматова // Соч.: в 2 т. – М.: Панорама, 1990. – Т. 1. – С. 197.

¹¹ Она же. Творчество / А. Ахматова // Соч. – С. 196.

политических деклараций стала притчей во языцех. Политики не пишут хороших стихов, иначе они были бы плохими политиками. Профессиональные философы, выполняя идеологические функции и часто вступая в сомнительные отношения с институтами власти, незаметно для самих себя часто теряют свое первородство, а в самой природе поэтического дара заложено стремление к подлинности, в противном случае поэт совершает духовное самоубийство.

Если совсем просто: поэзия – самый компактный *честный* и *искренний* вид профессиональной вербальной деятельности, поэтому у нее больше всего шансов найти и сохранить подлинность. Не случайно в решающие моменты рассуждения Платон прибегал к мифу, с помощью многозначных образов и символов выражая свои самые важные мысли. Можно сказать, что философские и поэтические возможности прямо пропорциональны, они усиливают и поддерживают друг друга, первые определяют вектор стремлений, вторые облачают умопостигаемые сущности в чувственно воспринимаемые формы. Или наоборот, страстное переживание сублимируется в философском контексте.

Но для актуализации этих возможностей необходимы как мыслители и поэты, так и читатели соответствующего калибра. Вот маленький пример. В замечательном стихотворении «Выезд» Давид Самойлов описывает поездку с родителями на пролетке и свои детские впечатления. Тревожный повтор в последней строке: «И мы едем незнамо куда, / Все мы едем и едем куда-то»¹² – меняет смысловую тональность, меняет точку, из которой автор смотрит на свое прошлое: речь уже не о конкретной поездке, а о трагическом будущем, которое ждет и лирического героя, и страну. Но почувствовать этот тонкий переход, совершить определенную метафизическую работу, а именно охватить одним взглядом это «давно прошедшее будущее» может только искушенный читатель.

Подлинность не может быть «наполовину», ей свойственен максимализм, она (если гипостазировать это понятие) ревниво требует от своих служителей-поэтов того же, и поэт принимает это требование. Он пишет «на разрыв аорты», он меряет себя мерой, которая недоступна простым смертным. «Так странствует – путем

---

¹² Самойлов, Д. Выезд / Д. Самойлов // Избранные произведения: в 2 т. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – Т. 1. – С. 116.

дыхания – бумеранг, мощнокрыло и подлинно. По звездным орбитам, исцелован обломками мирозданий, изрыт крупницами времени...», – писал Пауль Целан¹³.

Его собственные орбиты пролегли по войне, принудительным работам, чужбине, одиночеству. Его родители погибли в концлагере. Цена, заплаченная за опыт, который питал его поэзию, нечеловечески высока. Образы мучительны и неотвязны, как мысли о смерти: обезглавленные тюльпаны, глаза, как кольца на пальцах, короны из воздуха над... Даже Целан не решается произнести над чем, над какими трубами дрожат эти короны. Но дело не в ужасах войны как таковых. Стихотворение может быть лирическим и сугубо личным: «Тихо отшатывается твое лицо, / когда оно вдруг / вспыхивает ярко лампою / во мне, в той точке, / где больше всего говорится Никогда»¹⁴. Целан мучительно формулирует опыт одиночества, бездны, ада, хаоса. Такое состояние нельзя симулировать, про это нельзя «трепать». И это тоже лик подлинности.

Может быть, именно поэтому «подлинность» никогда не войдет в философские словари, но всегда будет воодушевлять поэтов, пророков, мыслителей. И всех, кто услышит ее зов.

---

¹³ Целан, П. Стихотворения. Проза. Письма. – М.: Ad Marginem press, 2008. – С. 157.

¹⁴ Там же. – С. 241.